

Место традиционализма в формировании социо-эмерджента

©Е.Г. Луговская, 2016

Аннотация. Автор, рассматривая современные процессы диаспоризации мира как своеобразный механизм возникновения вариантов социокода, предпринимает попытку обозначить некоторые аспекты этого механизма. Рассуждения базируются на понимании социопроотокода как идеального конструкта, абсолютной системы, в которой существуют главные смыслы Человеческого во всей их полноте.

Сопоставимость вариантов социокода является основной причиной глобальной диаспоризации, а преемственность социокодов во времени обеспечивается наличием института традиций. Рассматривается механизм переноса социокода индивидами, участвующими в формировании социоэмерджента.

Ключевые слова: традиция, традиционалистические культуры, социокод, социопроотокод, Человеческое, диаспоризация, социоэмерджент.

The Place of Traditionalism in Socio-Emergent Shaping

Lugovskaya E.G.

Abstract: The author, considering the modern processes of the world diasporization as a kind of the mechanism of occurrence of social pattern (socio-code) variants, makes an attempt to outline some aspects of this mechanism. The arguments are based on an understanding of socioprotocode as an ideal construct, absolute system, in which there are major essences of a manifestation of Human in their entirety.

The comparability of socio-code variants is the main cause of global diasporization. The institute of traditions ensures the socio-code variants succession. The author considers mechanism the socio-code transfer by individuals due to the socio-emergent conformation.

Keywords: tradition, traditionalistic cultures, socio-code, socioprotocode, Human, diasporization, socio-emergent.

传统主义的地方在形成 **socio-emergent**

卢戈夫斯卡亚

摘要: 笔者认为当代工艺增加 移民社群世界的社会期权代码发生的机理。在时代的社会码连续性选项由传统的研究所提供。我们考虑由参与socio-emergent 形成个人社会码的传输机制。

关键词: 传统, 传统文化, 社会码, socioprotocode, 人力, 增加 移民社群, socio-emergent 。

Место традиционализма в формировании социо-эмерджента¹

В предыдущей работе по проблеме протосоциокда² нами не случайно была затронута тема диаспоризации. На наш взгляд, настоящую точку развития человечества этот феномен характеризует как нельзя более точно.

Поиск лучшего способа существования характеризует каждое новое поколение на протяжении всей истории человечества, и именно такая неуспокоенность, неудовлетворенность достижениями предков заставляет потомков пересматривать актуальность традиционных ценностей. Пересмотр ценностей, безусловно, явление естественное и, более того, необходимое – среда существования человека вынуждает его приспособлять ее и приспособляться к ней. Непреодолимое желание жить по-другому объясняется естественными законами формирования личности и общества.

Когда предок структурирует свою жизнь, пытаясь привести ее в соответствие с тем идеалом, который, по его мнению, является верхом желаний любого человека, он базируется в своих размышлениях об этом идеале на тех основаниях, которые продиктованы ему впитанной им с рождения картиной мира, и структурирует свою картину мира с учетом улучшений, «позволяемых» его картиной мира. Принимая эти основания как данность, потомок свои размышления о мире строит, опираясь на новую для предка, но первичную для потомка картину мира, и тут особую важность приобретают традиции, их преемственность, почитание в любом проявлении – пусть даже только в виде ритуалов.

Торжественность ритуала, традиции по своей сути высоко эмоциональна – глубина эмоционального восприятия мира и рефлексии хорошо накладываются на те сферы человеческого, о которых сказано «дух». Но как хранить традицию? Обычный факт из обычной жизни не может вызвать тех глубоких эмоциональных переживаний, которые призваны оставить неизгладимый след в душе человека,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-03-00825 «Постнеклассическая интегральная философия: образы социального протокола».

²Образы постнеклассической интегральной философии. Материалы 2-й летней школы по интегральной философии и философии неовсеединства, - Издательский дом «Навигатор», 2015: http://philosophy-msmsu.narod.ru/Summer_school/Sum_school_2015.pdf

человек жаждет чуда – и тогда рождается миф, сказка. Повторенные множество раз и вызвавшие эмоциональный ответ у воспринимающих, они трансформируются в ритуал, колдовство, etc. Высокоэмоциональная суть мифа позволяет активировать значимые для данного социокода узлы структуры (точки роста) на дологическом уровне, запустить соответствующие процессы.

Как писала в своей прозе М.И.Цветаева: *«Разъяснять ребёнку ничего не надо, ребенка нужно – заклясть. И чем темнее слова заклятья – тем глубже они в ребенка врастают, тем непреложнее в нем действуют: «Отче наш иже еси на небесех...».* »Заклятый» (с семантикой цветаевского высказывания) индивид, структурируя новую картину мира, вместе с ритуалом «заклятия» получает необъяснимые, иногда страшные, иногда невероятные, но всегда максимально эмоциональные образы, которые, навсегда застревают в его подсознании, регулируют в дальнейшем направления развития личности и структурирование его картины мира (это важно, потому что картины мира, пересекаясь и оттачиваясь друг о друга в конечном счете дают общую картину мира для последующих поколений). Это можно описать как некоторый процесс обратный бифуркации, когда на определенном этапе две единицы превращаются в одну, - при этом не «схлопываются», а в каком-то смысле взаимоуничтожаются, потому что в момент их соединения ни одна из них больше не существует, но одновременно обе продолжают существовать только в ином виде.

Особенность человеческого восприятия, связанная со способностью помнить именно эмоцию и запоминать информацию не по его логически-содержательному, но по эмоционально-эмотивному компоненту, способствует тому, чтобы посеять «разумное, доброе, вечное» без связи с осознанием – «заклясть». Казалось бы, нет ничего проще. Но нет ничего и сложнее! Эмоция каждого конкретного человека малопредсказуема. И то, что на каком-то отрезке времени сработает на толпе, может вызвать абсолютно противоположный эффект у индивида. Тогда картины мира таких индивидов могут провоцировать появление социо-эмерджентов, по своей природе конфликтующих с существующей социальной (религиозной, культурной, научной, политической, etc.) парадигмой, и

чем многочисленнее эти социо-эмердженты, тем глобальнее их воздействие на объективную картину мира. Так что прав был поэт, определив необходимость зачатия именно ребенка. Лабильность психики, несформированная духовность, максимальная яркость и непосредственность любых эмоций позволяют посеять в основание картины мира ребенка практически любые семена. Конечно же, в процессе становления на почву попадают и плохие, и хорошие семена (это привычный образ, и вряд ли нужно его чем-то заменять – авт.). И здесь нельзя умалять важность той объективной картины мира, которая структурируется в рамках того или иного социокода: её особенности могут как гасить «нехорошие» ростки, так и наоборот, вернуть их к жизни, – они могут прорасти, но не вырасти, или вообще не прорасти – второе, конечно же, предпочтительнее.

Поэт интуитивно выделил главную цель мифотворчества – непонятность мифа (истории, сказки, ритуального действия) призвана расставить в той части нашего сознания, где правят бал образы, мифологемы (не логика, а может даже и алогичность), определенные «точки роста», вокруг которых будет прирастать текущий социокод как необходимая среда для существования индивида. Эти «точки роста» актуализуют в индивиде то Человеческое, что делает его человеком. Другими словами, смыслы, заложенные в мифах (в самом широком смысле этого слова), являются своеобразными ключами, запускающими процессы «кристаллообразования».

Развитие нового социокода S_{n+1} в рамках уже развитого и действующего социокода S_n происходит в одной и той же среде, при этом для кристаллизации могут быть выбраны иные элементы этой среды. Преемственность социокодов во времени таким образом обеспечивается именно наличием и почитанием традиций – точки роста в этом случае «притянут» если не те же самые элементы среды для своего формирования, то, по крайней мере, их варианты.

При распространении социокода не во времени, а в пространстве возникает конфликт среды и привнесенных в нее инородных точек роста. Почему это происходит? Если мы допускаем существование социопотокода как универсального кода, как бы программирующего Человеческое в человеке и

обеспечивающее выживание и развитие вида, то и точки роста должны быть универсальными. В таком случае почему история человечества представляется нам чередой конфликтов, обусловленных именно попытками одних социальных групп или сообществ навязать свои традиции другим, то есть, иными словами, внедрить в сознание другого свои точки роста?

Ответом может быть только то, что универсального набора таких точек роста не существует, – есть множество их вариантов, причем и таких, которые бы обеспечивали развитие, и таких, которые бы приводили к самоуничтожению. Конечно, такое допущение многое объясняет, но возникает следующий вопрос – почему социокоды, даже начавшие свое кристаллообразование очень уверенно, точно так же подвержены разрушению и саморазрушению?

В нашем предыдущем материале³ мы уже касались этой проблемы, но и сейчас стоит оговориться: каждая точка роста, возникающая в рамках образования социокода, для своего развития требует соответствующей питательной среды, и если среда не дает необходимого количества «питательных веществ», то точка роста не может развиваться. Кроме того, являясь элементом базовой кристаллической структуры, неразвивающаяся точка роста приводит к деформации всей структуры формирующегося социокода.

Таким образом, по нашему мнению, социопротокod представляет собой некий идеальный конструкт, абсолютную систему, в которой существуют главные смыслы Человеческого во всей их полноте. Этот конструкт во всей своей полноте и непроявленности словно спит в каждом человеке, и то, какие именно точки роста будут актуализованы, с одной стороны, не зависит уже от самого конструкта. И это важное свойство конструкта, обеспечивающее его целостность – существование в нем потенциальных элементов, которые, проявляясь, могут как поддерживать развитие, так и вести к самоуничтожению носителя.

С другой стороны, актуализация точек роста или наоборот, своеобразное замораживание их актуализации, провоцирующих саморазрушение и

³Образы постнеклассической интегральной философии. Материалы 2-й летней школы по интегральной философии и философии неовсединства, - Издательский дом «Навигатор», 2015: http://philosophy-msmsu.narod.ru/Summer_school/Sum_school_2015.pdf

самоуничтожение человека и человечества, в рамках системы не может быть случайной, – в конструкте как идеальной системе заложен и механизм самосохранения, ведь существовать он может только в рамках человека и Человеческого.

Внутри этой системы происходит постоянная борьба добра и зла – одни точки роста позволяют конструкту существовать в проявленном мире, а другие точки роста как бы удерживают систему в ее идеальном состоянии. Такая своеобразная дуальность социопотокода (а лучше было бы сказать – многополярность), с одной стороны, обеспечивает гармоничность и устойчивость структуры, а с другой, обеспечивает возможность образования практически бесконечного количества вариантов социокода, так как потенциалы развития каждой точки этой структуры актуализуются только в рамках конкретной среды и с учетом стремления системы к устойчивости.

Теперь вернемся к вопросу о том, почему даже хорошо укоренившиеся кристаллы социокодов со временем подвергаются деформации или разрушению. Этот вопрос во многом оказывается связанным с вопросом о том, почему человек, как представитель определенного социокода, стремится навязать этот социокод всем остальным представителям своего вида. Ответ в рамках нашей концепции может быть таким: среда, в которой развивается кристалл социокода, изменчива, – таким образом, в какой-то момент среда перестает отвечать потребностям той или иной точки кристаллической структуры – структура деформируется, сигнализируя об этом всем ее носителям, вызывая естественную для живого существа реакцию – уйти от опасности. Социокод срабатывает как механизм, выталкивающий индивида или группу (сообщество) индивидов из агрессивной по отношению к этому социокоду среды. Индивиды, как носители проекций данного социокода разбрасываются в иные среды как споры, – и в этом смысле диаспоризация – это рассеяние носителей проекций устойчивых вариантов социокода в иные среды.

Здесь следует оговориться – не сами по себе индивиды являются распространителями социокода: попадая в среду иного социокода, индивиды

участвуют в образовании социоэмерджента, который, собственно, и становится точкой роста одного социокода в питательной среде другого.

Таким образом интеграция и последующая ассимиляция представителей иной структуры социокода суть разные процессы с точки зрения возможности укоренения кристаллической структуры переносимого ими социокода.

Интеграция, как правило, агрессивна, так как элементарные проекции социокода привнесенные в новую среду индивидами, укореняясь, словно сканируют эту среду и вживляются в структуру иного социокода, ломая его структуру и словно образуя новые точки роста в ней. Даже если точки структуры «перенесенного кода» и «кода вживления» в своем инварианте понимаются как одна и та же, на этапе интеграции происходит конфликт ее вариантов, и словно «перетягивание» узла структуры в ту или иную сторону. Нужно отметить, что, вероятно, чем больше в количественном отношении таких вариантов на один узел принимающей структуры, тем естественнее интеграция, потому что в таком случае возможно образование «большого» узла структуры (уже в качественном отношении), представляющего собой некий компромисс вариантов, включающий в себя более широкий спектр своих характеристик. При достаточно обширном перечне характеристик каждая из проекций привносимого социокода в состоянии опознать элемент своей структуры в этом узле. Соответственно, когда вариантов немного, и качественный состав их характеристик разнороден – конфликт неизбежен.

В рамках данной концепции массовый «исход» представителей некоторых традиционных социокодов в иные «среды» рассматривается именно как истощение среды кристаллизации.

Но это только одна сторона процесса, необходимо также отметить, что, по нашему мнению, существует не только прямая зависимость правильности роста кристаллической структуры социокода от той «питательной» среды, в которой он укоренился, – существует (или должна существовать) и обратная связь – социокод должен формировать и среду. И здесь мы снова возвращаемся к вопросу о традициях. Традиции, правильное понимание истории формирования своего

социокода, знание своих истоков носителями социокода обеспечивает поддержание «подходящей» социокоду среды.

При этом естественные процессы переосмысления текущего состояния социокода новым поколением носителей инварианта социокода, о которых мы писали выше, не приводят к деформации социокода, социокод как бы перетекает из состояния одного варианта в состояние другого варианта. Безусловно, поверхностный взгляд на варианты социокода, взятые для сравнения в разных точках временной оси, может ввести в заблуждение относительно действительного наличия инвариантного социокода для столь разнящихся вариантов, но углубленный анализ, думается, позволит найти основные узловые точки инвариантой структуры. В этом смысле особая роль принадлежит языку, который, по словам Гумбольдта «...есть его <народа> дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо тождественное».

(Вопрос о месте языка как составляющей структуры в социокоде и социопрокоде должен быть рассмотрен отдельно).

Таким образом, деформация кристаллической структуры социокода, как ясно из вышесказанного, происходит тогда, когда узлы структуры разрушаются. При этом разрушение одного узла, как и стагнация роста узла, деформирует структуру текущего социокода настолько, что такой вариант становится несоотнесимым с инвариантом, но может быть сопоставим с иным инвариантом, наблюдаемым носителями деформированного социокода. Этот аспект – сопоставимость вариантов социокода на основании существования социопрокода – и является основной причиной возможности глобальной диаспоризации.

В связи с такими рассуждениями отдельно хотелось бы остановиться на проблеме, волновавшей человечество во все времена – проблеме неизбежности самоуничтожения человечества.

Способы и пути самоуничтожения парадигмально обусловлены и их причины представлены широким спектром возможных вариантов – от техногенных до мистических – в любом случае уничтожение рассматривается как физический

процесс стирания человечества с лица земли. Интересно, что самоуничтожение не воспринимается человеком в его истинном смысле – уничтожение Человеческого в человеке и разрушение протосоциокода как социального генома человечества, стирание которого лишает возможности выживания вид.

Вспомним теологические вариации на тему уничтожения всего живого на земле – как, правило, поводом к уничтожению выступало «отречение от бога», причиной уничтожения был бог, а орудием уничтожения – силы природы. Если посмотреть на эту цепочку более пристально, то можно увидеть, что отречение от бога (то есть его отрицание в широком смысле) и влечет за собой уничтожение. Мы намеренно вывели бога именно причиной уничтожения, – хотя вопрос о том, что именно понимать под словом «бог» неразрешим, в рамках данного рассуждения можно рассматривать это понятие максимально широко и одновременно предельно схематично и узко. Рассматривая бога, как нечто в душе человека, направляющее его, ведущее его к совершенствованию (в контексте разных религиозных верований и практик), мы имеем в виду те начала социопротокода, которые составляют точку роста и вектор развития всех жизнеспособных его вариантов.

Так почему же в понимании человека бог (в техногенных вариантах созданный человеком и обособившийся искусственный интеллект, ядерное безумие, спровоцированное человеком, но вышедшее из-под контроля, etc), а не сам человек видится причиной бедствия.

Расположив бога наверху (вне человеческого мира, над суетой материального мира, на небе, т.п.), человек, в соответствии с материальностью существования и саморефлексии, определил рамки своего человеческого существования, допуская только душу (иную ипостась) существовать вне материальной, то есть социально обусловленной жизни. Однако тот факт, что в теологической традиции возможна и постановка вопроса о социализации души, убеждает в том, что душа, дух, духовность и составляют сущность социопротокода. Это, конечно, слишком неконкретный образ, но он поможет нам в дальнейших рассуждениях.

Вспомним анекдот о том, как усердными строителями был вырыт колодец, а на дне его помещен фонарь в полном соответствии с чертежом, – но оказалось, что чертеж надо было перевернуть, и это должен был быть маяк. Абсурдность, составляющая юмористическую суть этого анекдота, к сожалению, не так очевидна при рассмотрении его символической составляющей, лежащей в основе мифологического сознания современного человека. Материальность человека и сознания во все времена заставляла человека для любых абстрактно осознаваемых категорий создавать материальные воплощения – это и персонификация сил природы, и очеловечивание «страстей», и символизация внешнего вида самого божества, характер которого отражает его природу или функционал (так, например, у божества, как правило, всегда есть жезл (простертая длань или перст) – что это как не ось мира!).

Если рассматривать фонарь маяка, как нечто духовное, абсолютное, то, к чему стремится человек, а путь к нему (в данном случае колодец, который должен был быть башней), как локаль кристалла, то основание маяка или вход в колодец может быть представлена как узел структуры социокода, то есть точка роста кристалла. И в этом смысле точка роста кристалла социокода в ее стремлении к абсолюту и есть проекция того «духовного», которое представляет собой социопротокод. Иными словами, внизу человек – сверху бог – это и есть локаль, ось, вокруг которой структурируется объективная картина мира.

Европейская культура, искоренив всякую традиционность и ритуальность, вместе с тем лишилась и яркости, то есть той эмоциональности, которая необходима для того, чтобы, поразив, запасть в душу. Благополучие желудка не может быть ярко эмоциональным, потому что являет собой естественную потребность всего живого. Европейская культура, положив в свое основание логические посылки – равноправия, толерантности и т.п., оказалась в положении строителей, выкопавших колодец вместо постройки маяка. Убрав бога сверху, но оставив человека внизу, европейская культура лишила локаль ее бесконечности. Вектор превратился в отрезок – развивая метафору, приведенную выше, – расстояние до фонаря на дне колодца неопределимо, потому каждый день жизни

рассматривается как последний, но и фонарь больше не представляет собой чего-то абсолютного – недостижимого, яркого, дарящего свет всем, желающим его увидеть, манящего к себе своей загадочностью – его место четко определено.

Диапоризация как рассеяние представителей более традиционалистических (по сравнению с европейской) культур именно по Европе, с одной стороны, указывает на то, что среда формирования кристаллов традиционалистических культур истощена, а с другой стороны, на то, что «европейская среда» содержит те «питательные» потенции, которые истощились в рассеиваемых социокодах. «Спящие» узлы европейского социокода, невостребованные его современными вариантами, обретают новую жизнь при попадании в эту среду представителей иных социокодов, что, в свою очередь, вызывает формирование социо-эмерджентов, и, в конечном итоге, ведет к деформации всего конструкта текущего варианта социокода.